

А. А. БРАГИНА
Москва

КРАСНОЕ И ЗЕЛЕНое

(О семантическом развитии слов)

У цветового прилагательного *красный* на протяжении XIX в. развивалось переносное значение «революционный, коммунистический». Это значение впервые возникло во Франции в словосочетании *drapeau rouge* «красный флаг», «красное знамя» > *rouge* «красный» (приверженец красного знамени)¹. Слово *красный* в значении «революционный» входит в разные языки мира: В русском прилагательное *красный* развивает целый ряд оттенков значения — «свободолюбивый, революционный, коммунистический, большевистский, советский, революционно-марксистский». Эти новые

значения прежде всего связаны с сочетаниями *красный флаг, красное знамя*².

Вот что писал в 1918 г. о *красном знамени* К. А. Тимирязев: «Единство может символизировать только одноцветное знамя,— конечно, не белое (Бурбонов или Гогенцоллер-

¹ «Les rouges, les révolutionnaires, qui acceptent le drapeau rouge» (A. Hatzfeld, A. Darmesteter, A. Thomas, Dictionnaire général de la langue française, Paris, 1900, v. 2, p. 1979).

² О развитии цветового значения в прилагательном *красный* см., в частности: Е. М. Иссерлин, История слова *красный*, «Русский язык в школе», 1951, № 3, стр. 85—89. О значении *красный* «революционный» см.: Ю. С. Сорокин, Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века, М.—Л., 1965, стр. 172, 520, 526; С. А. Рейсер, Красный флаг в России, сб. «Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры», М.—Л., 1966, стр. 294—301, здесь же дана библиография вопроса; М. А. Суровцова, К истории выражения цветовых значений в древнерусском языке, автореферат канд. дисс., М., 1967, стр. 15—16 и др.

нов) или желтое (Габсбургов или Романовых) — символы единения под ярмом одного деспота. Остается одно *красное знамя* — знамя единой демократии всего мира, знамя единой армии труда»³.

Прилагательное *красный* постепенно закрепляет новую нецветовую семантику и, субстантивирываясь или вступая в новые словосочетания, получает значение «революционный, коммунистический».

Заметим, что в «Словаре современного русского литературного языка» сочетания *красный флаг*, *красное знамя* хотя и выделены как устойчивые, все же неверно отнесены к чисто цветовому ряду: *красный кушак*, *красная роза*, *красный от стыда*. Но *красный* в *красный флаг*, *красное знамя* стоит на грани двух значений: «красный по цвету» и «революционный», «советский». Поэтому можно говорить о большей близости сочетания *красный флаг* к ряду *красный воин*, *красная Москва*, *Красная Армия*, чем к ряду *красная роза*.

Переносные значения цветовых прилагательных, связанные с определенными реалиями, оказываются достаточно устойчивыми. Цветовые прилагательные, представляя одну семантическую группу, в своих абсолютных (цветовых) значениях обычно не смешиваются. Но выходя за пределы строгой цветовой корреляции, они обнаруживают возможность сближений, противопоставлений, взаимно обуславливают семантические вариации и переносные употребления.

Проследим семантическое развитие прилагательного *зеленый* и роль соотношения *зеленый* — *красный* в формировании переносных значений и употреблений.

Зеленый ассоциируется с «растительный, живой, лесной, древесный...»:

«*Зеленый пояс телецентра*» — о парке у телебашни («Вечерняя Москва», 3 августа 1966 г.); «*Зеленое ожерелье Зарядья*» — о своеобразном уголке среднерусской при-

роды в центре Москвы («Правда», 26 июля 1966 г.).

Проанализируем метафору *зеленый друг*:

Зеленому другу человека, как исстари называют лес, посвящено много звучных стихов, объемистых романов, научных исследований. И это не случайно («Правда», 20 декабря 1965 г.). Лес — *зеленый друг* человека, кто же не знает этого крылатого определения? («Литературная газета», 23 февраля 1965 г.).

Метафора *лес — друг* была бы не такой ясной без определения *зеленый*. В цветовом прилагательном *зеленый* прозрачна связь со значением «растительный, древесный».

Метафорические сочетания проходят иногда сложный путь. Так, все большую и большую популярность приобретает метафора *зеленый шум*, связанная в современном русском языке с именем поэта Н. А. Некрасова. Ср. строки из стихотворения Федора Фомина («Известия», 1 мая 1966 г.):

Май — многодум,
в сады забрасывая
зеленый шум
стихов Некрасова!

Сочетание *зеленый шум* поэт цитирует как метафору из Н. А. Некрасова, в то время как к самому стихотворению Некрасова «Зеленый шум» дается ссылка: «Так народ называет пробуждение природы весной».

Определение *зеленый* в каждом случае как бы проясняет метафору, образное обозначение того или иного предмета, явления: *зеленый пояс*, *зеленое ожерелье*, *зеленый друг*, *зеленый шум*. Цвет как бы символизирует одно из характерных свойств растительного мира.

В истории образования цветового прилагательного *зеленый* наблюдался процесс от обозначения предмета к обозначению качества (ср.: *зелень* «трава» > *зелёный* «цвет травы»)⁴.

Еще А. Н. Веселовский в своей работе «Из истории эпитета» выделил сочетания типа *зеленые пути*,

³ К. А. Тимирязев, *Красное знамя* (Притча ученого), изд. «Парус», Пг., 1918, стр. 10.

⁴ Ср.: А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, кн. III, Харьков, 1899, стр. 73; Мысль и язык, Полн. собр. соч., т. I, Госиздат Украины, 1926, стр. 119—120.

зеленое вино, зеленый конь и отметил разнообразие их ассоциативных связей⁵. Если сочетание *зеленые пути* представляет знакомую уже нам цветовую метонимию (пути, пролегающие по зеленым полям и лугам), то в двух других сочетаниях наблюдаем более сложные ассоциации.

Зеленое вино получило свой эпитет от винограда. Чем менее была известна виноградная лоза, тем легче совершался разрыв ассоциативных связей прилагательного с цветом винограда. Этому в большой степени способствовало изготовление вина не только из винограда, но и из хлебных злаков и т. п.

В обобщении *зеленого* цвета в значении свежего, юного, сильного, ясного (*зеленый конь*) раскрывается связь с незрелыми еще плодами, свежими и молодыми, но не исключена и одновременная опора на цвет плода. Здесь можно говорить о двойной ассоциации: «свежий, юный» и «незрелый»⁶.

В современном русском языке *зеленый* в значении «молодой, незрелый» может быть синонимичным словам *неопытный, несведущий, несовершенный*:

«Зеленое и зрелое» (Илья Сельвинский о проблеме отцов и детей, «Литературная газета», 8 июня 1963 г.).

Подвижность оттенков говорит о наметившейся полисемии.

Обратим внимание на ряд цветových прилагательных *белый — красный — зеленый* и на их значения в эпоху гражданской войны. *Красный* было связано с Красной гвардией рабочих и крестьян, сражавшихся под красным знаменем. *Белый* соотносится с антагонистической белой гвардией⁷. Прилагательное *зеленый* служило в основном для названия уклонившихся в годы интервенции и гражданской войны от службы в белой армии (ассоциа-

ция с лесом, где они прятались от мобилизации).

Цветовые прилагательные *красный* и *зеленый* в своих переносных значениях и особенно в символических употреблениях обнаруживают способность как к противопоставлению, так и к сближению.

Приведем пример из произведения Я. Корчака «Король Матиуш Первый».

Маленький Матиуш видит *красное знамя*. У него возникает вопрос: почему рабочие несут *красное знамя*? Ведь национальные знамена не *красные*. И Матиуш узнает, что «у рабочих во всех государствах одинаковые *красные знамена*». Малыш задумался: «А может быть, сделать так, чтобы у детей всего мира — у белых, черных и желтых — тоже было знамя одного цвета? Рабочие уже имеют свое *красное знамя*. Может быть, дети выберут себе *зеленое знамя*, потому что дети любят лес, а лес *зеленый*»⁸.

Сравнительно недавно возникло сочетание *зеленые береты*, имеющее, однако, совершенно иное социальное значение: *зеленые береты* — американские солдаты и офицеры войск особого назначения.

Метонимия *зеленые береты* уже как устойчивое словосочетание получает широкое распространение (см.: «Правда», 27 апреля 1966 г.; «Известия», 11 февраля 1966 г.). Возникают и другие постоянные метонимии, дифференцированные цветовыми определениями. Ср.:

черные береты. — так называются новые особые американские группы диверсантов-шпионов... («Вечерняя Москва», 29 декабря 1966 г.).

Возникновение переносного значения не всегда обусловлено только цветовой ассоциацией, оно зависит

⁷ Политический термин *белые* является семантической калькой соответствующего прилагательного французского языка. Так назывались реакционные, католико-монархические силы. *Белый* цвет — это цвет бурбонских лилий и роялистских кокард. Как свидетельствует Гарле, «в 1815 году после «Ста дней» во Франции... прокатилась волна «белого террора», как тогда же было (впервые в истории) названо это движение» (Е. В. Гарле, Талейран. М., 1939, стр. 144).

⁸ Януш Корчак, Король Матиуш Первый, перевод с польского, Варшава, 1958, стр. 180—181.

также и от тех системных отношений, в которых находится слово. Ср. общепринятую систему световых сигналов регулирования движения: *красный*, *зеленый*, *желтый*, — где *красный* — запрет, остановка движения, закрытый путь; *зеленый* — разрешение, свободное движение, открытый путь; *желтый* — предупреждение, отсутствие каких бы то ни было разрешающих или запрещающих сигналов. Отразилась ли эта произвольно созданная система знаков на значении самих слов?

Обратимся к словосочетанию, возникшему в русском языке дважды: *зеленая улица*.

Первоначально оно служило бытовым названием «способа наказания в дореволюционную пору, при котором наказываемый проходил между двумя рядами солдат, удаляющих прутьями или шпичрутенами»⁹.

Одно из значений слова *улица* — «проход»¹⁰. Это значение сохраняется в диалектах и в просторечье и отмечено В. И. Далем: «Простор меж двух порядков домов; полоса, проезд, дорога, оставляемая промеж рядами домов; вообще простор полосой, меж двух рядов каких-либо предметов...»¹¹, в нашем примере — *между двумя рядами солдат*. *Зеленая* — определение, вышедшее на ассоциации с цветом ивовых прутьев, которыми били осужденного. *Зеленая улица* в языке солдат для современного русского языка уже историзм.

Сочетание *зеленая улица*, возникшее и распространившееся в середине XX в., является результатом иных ассоциаций. В нем также пробуждается старое значение слова *улица* — «проход», но не «меж двух рядов солдат», а по свободным рельсам, т. е. при *зеленом* светофоре.

Некоторое время *зеленая улица* существует как обозначение свободного пути только для железнодорожного транспорта.

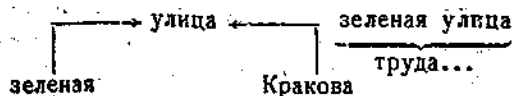
Впоследствии *зеленая улица* получает расширенно-отвлеченное значение «открытый, свободный путь вообще» и «поддержка чего-либо, кого-либо»:

Пожалуй, больше всех ликовала Лариса. Она была уверена, что после такой статьи трактористам «Светлого пути» откроют *зеленую улицу* (С. Антонов, Разорванный рубль). Зелени — *зеленую улицу*. Зелень к столу москвичей должна получить *зеленую улицу* («Вечерняя Москва», 27 июля 1966 г.).

Значение «открытый, свободный путь» для сочетания *зеленая улица* могло возникнуть благодаря двойной соотнесенности прилагательного *зеленый*: 1) ассоциация с цветом светофора, 2) противопоставление, антонимичность *красному* в дорожной системе световых сигналов. Сравним постоянное, фиксированное словосочетание *зеленая улица* и свободное — *зеленая широкая улица*.

...пощипывая бородку и щуря живые карие глаза, пристально всматривался в проплывающие за окном вагона *зеленые улицы Кракова*... («Литературная газета», 23 апреля 1966 г.). Спасибо педагогам за то, что незаметно, терпеливо перевели стрелку мальчишеского пути на *зеленую улицу труда, чести, товарищества* («Правда», 25 сентября 1966 г.).

В первом примере *зеленые улицы Кракова* — свободное словосочетание, во втором — *зеленая улица* — неразложимая единица, получающая определение *труда, чести, товарищества* ко всему сочетанию в целом.

Отделение прилагательного *зеленая* от слова *улица* в сочетании *зеленая улица труда* невозможно, так как остающееся звено *улица труда* в данном контексте теряет смысл. Сочетание *зеленые улицы Кракова* свободно. Определяемое *улица* вы-

⁹ «Словарь современного русского литературного языка», т. 4, Изд. АН СССР, М.—Л., 1955; стлб. 1190—1191.

¹⁰ См.: И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. 3, вып. III, стлб. 1196.

¹¹ В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4.

ступает в форме множественного числа в приведенном тексте и имеет два определения: *зеленые улицы* — *улицы Кракова*. Прилагательное *зеленый* вне системы противопоставления *зеленый* — *красный* при одной цветовой ассоциации теряет значение «свободный, открытый, незанятый».

В последнее время наряду с сочетанием *зеленая улица* получили широкое распространение и другие выражения: *зеленый свет*, *зеленая волна* и пр.:

Иван Александрович решил включить для нашего отдела на сей раз *зеленый свет* — статья идет в номер, который уже сдан в типографию (Н. Асанов, Богиня победы, «Огонек», 1966, № 19). «Дайте *зеленый!*» — о необходимости ускорить выпуск новой автомашины «Запорожец» («Известия», 19 июля 1966 г.). Стало возможным перевести отдельные участки Садового кольца на двухпрограммную систему диспетчерского управления «*зеленой волной*». Суть ее в том, что теперь автомашина, движущаяся с заданной скоростью, проезжает мимо перекрестков без задержек... («Вечерняя Москва», 12 января 1967 г.).

Возникает и антонимичное выражение *зажечь красный свет*. Ср.:

Красный свет на пути к соглашению на этот раз пыталась зажечь Италия, традиционный поставщик фруктов и овощей, интересы которой пришли в столкновение с требованиями Голландии («Известия», 25 июля 1966 г.).

Сложный метафорический образ, основанный на почти забытом значении *улица* «проход, простор полосой», вытесняется современным значением слова *улица*. Выражение *дать зеленую улицу* получает ряд вариантов: синонимичных — *дать, зажечь, зажигать зеленый свет* и антонимичных — *зажечь, зажигать красный свет*. Неразложимое словосочетание *зеленая улица* сменяется модификацией *зеленый свет*, что обусловлено расширением образа, лежащего в основе выражения *зеленая улица*. Слова же *зеленый* и *красный* в анализируемых сочетаниях попадают в антонимичные ряды: *зеленый* — «свободный, открытый, незанятый» и *красный* — «закрытый, занятый».

Системную обусловленность в развитии значений можно проследить и на примере: *зеленый огонек* в машинах такси. В сочетании *зеленый огонек* определение *зеленый* ассоциируется со значением «свободный, незанятый»¹². Но не подкрепленный обычно никаким противопоставлением (например, *зеленый* — «свободно», *красный* — «занято») *зеленый огонек* одновременно символизирует такси вообще (ср. название фильма «Зеленый огонек»).

Образно-экспрессивное значение, возникающее на основе цветовой ассоциации, часто уводит слово в иные семантические и синонимические ряды, ставит его в иные системные отношения. Например, *футбольное поле* — *травяное поле* — *зеленое поле*:

«Дебютанты *зеленых полей*» — сообщение о молодых футболистах («Вечерняя Москва», 6 июля 1966 г.). «На *зеленых* и *ледяных полях*», — так назывался отчет о матчах «футбольных» и «хоккейных» команд («Вечерняя Москва», 10 октября 1965 г.).

Прилагательное *зеленый* становится экспрессивным синонимом слова *футбольный* и одновременно переключается из ряда цветковых прилагательных в ряд, обозначающий материал: *зеленый* — «травяной». (Ср.: *зеленая трава* — *зеленый луг* — *зеленый корм*.)

Поиски экспрессивных выражений как бы служат толчком для образования переносных значений¹³.

Как мы могли убедиться, переносные значения прилагательного *зеленый* весьма многообразны (порой и противоречивы), а их оттенки очень подвижны.

¹² Ср., например, систему условных сигналов, действующих в ташкентских такси: «Было пять утра. Едва *зеленый глаз* потух — зажегся *красный глаз*, в здании такси эдак. Словно взбесившийся кролик машина помчалась по шоссе...» (В. Виткович, Дороги, встречи, рассказы, «Новый мир», 1966, № 10). Ряд *зеленый* — *красный* вызывает ассоциативные представления «свободно — занято» или окказиональное сравнение — *красноглазый кролик*.

¹³ См. об этом: К. Д. Дондуа, Метафора в широком смысле и метафора поэтическая, сб. «Язык и мышление», М.—Л., 1940, стр. 57—60.

Прилагательное *зеленый* позволяет создавать многочисленные метафоры благодаря его прозрачной связи со словами *растительный, древесный, травяной*. Например, в сочетании *зеленый лес* определение *зеленый* выделяет наиболее существенный признак леса. Это постоянный эпитет. В метафоре же *зеленый друг* роль прилагательного иная. Это определение — символ леса. Ср.: *зеленый шум, зеленый пояс*.

Такая конденсация значения целого в части (определении) получает большую завершенность, если формирующееся на основе метонимии значение поддержано антонимическими отношениями:

красный «революционный» — *белый* «контрреволюционный»; *зеленый* «свободный, открытый, незанятый; разрешение» — *красный* «закрытый, занятый; запрещение».

В этих случаях переносное значение приобретает самостоятельность. Развивается полисемия, связанная с субстантивацией прилагательного: *зажечь зеленый* из *зажечь зеленый свет* в значении «открыть путь, устранить препятствия, поддержать»; *красный* из *приверженец красного знамени* в значении «революционный».

Как видим, значения цветových прилагательных отличаются устойчивостью ассоциативных связей. Постоянная же потребность в экспрессивных выражениях как бы выявляет в семантике слов образную связь между обозначаемыми явлениями. Формирование переносных значений зависит также и от тех системных отношений, которые сложились у слов в определенную эпоху.

